

Когда поставят точку в подсчете потерь Красной армии в войне

Вопрос о размерах потерь Красной армии в Великой Отечественной войне до сих пор не закрыт и уже долгие годы остается предметом ожесточенных дискуссий в обществе и среди специалистов. В 76-ю годовщину начала войны историк Алексей Исаева рассказал о сложностях в оценке этих потерь.

Статистика потерь

Вопрос о потерях – одна из самых болезненных тем в истории войн. Всегда нужно помнить: на другой чаше весов «цены победы» лежит «цена поражения». Для нашей страны цена поражения часто оказывалась непомерно велика, означая физическое уничтожение как государства, так и нации в целом. С другой стороны, вопрос о разумном использовании людских ресурсов государством неизбежен, и уклоняться от него – значит, прятать голову в песок. Тем более неразумно считать официально названные в какой-то период цифры отлитыми на века и исключать их обсуждение.

В эпоху миллионных армий, когда под ружье ставился без преувеличения весь народ, подсчет потерь существенно усложнился. Сбои в учете порождали большие расхождения итоговых цифр из-за многочисленности участников боевых действий. Кажущаяся простота суммирования донесений о потерях не обещает правильного результата: попавшие в окружение, например, чисто физически не могли предоставить информацию. Вопреки распространенному мнению о немецкой точности и аккуратности, в Красной армии учет потерь был организован лучше, чем в вермахте. Части, соединения и объединения отчитывались о потерях донесениями на формализованном бланке (по так называемой «форме 8»). Подавались эти донесения каждые десять дней. При этом в отчетах, переданных позднее, данные могли уточняться как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. Подчеркну: ошибались в обе стороны, иной раз заявляя потери выше реальных. Процесс контролировался, и доносившие неверные данные получали выволочки (что, конечно, не исключало ошибок). Прямого аналога «формы 8» в вермахте просто не существовало. Сведения о потерях в лучшем случае добавлялись в донесения о боевом и численном составе, реже встречались в донесениях медицинской службы. Несколько лучше был организован учет потерь офицеров (с поименными списками).

Поэтому для историка задача поиска немецких данных о потерях сложнее, чем в случае с советскими. Подчеркну – в схожих условиях: бессмысленно сравнивать учет сторон в 1941 году и в 1945-м. Хаос в немецкой статистике 1945 года подобен хаосу в советской 1941-го, а то и превосходит его.

Говоря о войне в целом, неизбежно приходится прибегать к балансовым расчетам: «имелось», «прибыло», «убыло», «итога». Собственно, именно так считал потери коллектив под руководством Г.Ф. Кривошеева: труд «Гриф секретности снят» стал классическим, выдержал несколько переизданий и считается официальной точкой зрения на проблему потерь в Великой Отечественной.

Название «Гриф секретности снят» показывает, что работа была основана на архивных данных, рассекреченных уже в период перестройки, хотя основа для этой работы была заложена еще в 1960-х. Проблемой стало отсутствие дискуссии в 1960-1980-х: в споре не родилась истина. В итоге обмен мнениями состоялся уже в 1990-е.

Причем первые камни в официоз, как ни странно, были брошены Минобороны, а точнее – отделом военной статистики Института военной истории, опубликовавшим сборники «Боевой и численный состав Вооруженных сил СССР в ВОВ 1941-1945 годов». В них данные на 22 июня 1941 года и к началу июня 1945 года отличались в меньшую сторону от величин, использованных Кривошеевым. В итоге вместо численности вооруженных сил на 22 июня 1941 года в 4 миллиона 826,9 тысячи человек появилась величина 4 миллиона 629,5 тысячи. К этому добавлялись 74,9 тысячи человек из других ведомств, находившиеся на довольствии наркомата обороны (преимущественно строительные части). Одновременно не включены призванные в 1941 году на учебные сборы (часто используемый термин «большие учебные сборы» некорректен, по факту это были очередные сборы, а не скрытая мобилизация).

Численность вооруженных сил к июню 1945 года, указанная Кривошеевым (12 миллионов 839,8 тысячи), сменилась на 11 миллионов 999,1 тысячи. Всего же через вооруженные силы за годы войны прошли 34 миллиона 279,3 тысячи человек.

Кроме того, «Гриф секретности снят» упрекали в ошибках интерпретации уже известных данных. По непонятным причинам в число убывших осужденных за преступления (994,3 тысячи) были необоснованно включены 422,7 тысячи человек, возвращенных на фронт в составе штрафных подразделений, при том что практика

направления осужденных в штрафные роты или батальоны была широко распространена и общеизвестна. Баланс «поехал», потребовался пересчет, произведенный силами А. А. Шабаяева и ветерана войны С. Н. Михалева.

Потери вооруженных сил убитыми, пропавшими без вести и пленными в 1941-1945 годах, достигли 13 миллионов 698,2 тысячи человек. Эти 13,7 миллиона выражают величину безвозвратных военно-оперативных потерь Вооруженных сил СССР. Чтобы получить демографические потери – то есть тех, кто не вернулся с войны, – нужно из нее вычесть 939,7 тысячи призванных на освобожденной территории, а также освобожденных после войны из плена (1 миллион 836,6 тысячи). В итоге получаем 10 миллионов 921,9 тысячи, что на 2 миллиона 253,5 тысячи человек больше официально объявленных цифр (8 миллионов 668,4 тысячи).

Именно 10,9 миллиона человек – наиболее обоснованная на данный момент величина безвозвратных демографических потерь Вооруженных сил СССР в 1941-1945 годах.

Здесь нельзя обойти стороной реальный смысл этой цифры: это именно те люди, кто не вернулся с войны в СССР. Ввиду допущений расчетов в эту величину попадают граждане, по тем или иным причинам не репатриированные из плена или оставшиеся в странах Западной Европы. Они могли благополучно дожить до старости. Но речь, разумеется, идет о десятках тысяч человек, что принципиально картину не меняет.

Как считали и сколько насчитали

Сумма расчетов безвозвратных военно-оперативных потерь в 13,7 миллиона более чем на 2,2 миллиона превышает итог потерь, подсчитанных по донесениям фронтов (11,441 миллиона). В период катастрофического для Красной армии развития событий в целом адекватная и работоспособная система учета потерь неизбежно давала сбои. Здесь показательна ситуация с Вяземским и Брянским «котлами» октября 1941 года в интерпретации коллектива Кривошеева. Собственно, тому, кто видел первичные данные (те самые донесения по «форме 8») Западного фронта за октябрь 1941-го, проблема очевидна. В какой-то момент подсчет потерь начали вести заново, с нуля, исключив данные, которые не могли быть получены от штабов, попавших в окружение армий.

Что это дало в итоге? Согласно Кривошееву, Западный фронт с 30 сентября до 5 декабря потерял безвозвратно 310 тысяч 240 человек. Согласно же донесениям отдела оргучета и укомплектования Западного фронта, с 11 октября по 30 ноября войска потеряли 165 тысяч 207 человек убитыми, пропавшими без вести, ранеными и заболевшими. Производим несложные подсчеты: разница 145 тысяч 33 человека.

Потери с 1 по 10 декабря составили 52 тысячи 703 человека. Пусть из потерь за этот период половина приходится на оборону, то есть на период с 1 по 5 декабря. Итого на вяземский «котел» остается всего 120–130 тысяч. Столь низкие потери в крупном окружении представляются крайне маловероятными и, разумеется, таковыми не были. Так и набираются 2,2 миллиона разницы в подсчетах за войну в целом.

Кроме того, имелись и противоположные примеры, когда живых причисляли к погибшим. Здесь показательна история героини рассказа Даниила Гранина «Клавдия Вилор»: она трижды (!!!) числилась в безвозвратных потерях как убитая, но пережила войну.

Попавшие в окружение могли неделями выходить по тылам противника или же оставаться в лесах на неконтролируемой немцами территории. В случае с Вяземским «котлом» неизвестно число бойцов и командиров, вышедших к своим после завершения боев. Более того, прорвавшиеся к Вязьме конники П. А. Белова пополнялись уже в феврале-марте 1942 года за счет окруженцев, выживших в немецком тылу с октября 1941-го. Именно окруженцы часто составляли ядро партизанских отрядов.

Наиболее спорная тема – общее число военнопленных, взятых немецкими войсками. Основной камень преткновения в том, что к военнопленным относились, в том числе, гражданские лица призывного возраста, взятые на оккупированной территории. Это не скрывалось и подтверждается, в том числе фотодокументами: в рядах военнопленных есть люди в гражданской одежде. Практически бесспорными в дискуссии о пленных являются лишь две величины: число репатриированных военнопленных (1 миллион 836,6 тысячи человек) и число отпущенных немцами из плена жителей западных областей СССР (823,2 тысячи). Отпускать из плена жителей оккупированной территории Западной Украины, Белоруссии и Прибалтики – практика, введенная в вермахте в конце июля 1941 года и фактически отмененная осенью того же года.

Все остальное – предмет дискуссии. В первую очередь названная по немецким данным

величина в 5,7 миллиона пленных за войну. Она включает 3,35 миллиона в 1941-м; 1,653 миллиона в 1942-м; 633 тысячи до февраля 1944-го и 97,1 тысячи до февраля 1945-го. В послевоенное время цифра была снижена в ФРГ до 5,2 миллиона.

О завышении числа военнопленных в донесениях немецких войск говорят и советские подсчеты солдат и командиров, попавших в «котлы», и названное немцами число взятых в них пленных. Возможность проверки ложных донесений утрачена после того, как огромное число советских военнопленных уморили голодом и холодом зимой 1941-1942 годов. В любом случае возникает вопрос о столь огромном числе пленных, что вызывает разного рода спекуляции о «нежелании воевать», «второй гражданской» и так далее. На самом деле проблема крылась в качественном скачке в развитии средств вооруженной борьбы, в появлении немыслимых для Первой мировой крупных механизированных объединений численностью 150–200 тысяч человек, способных быстро прорываться на большую глубину и окружать сразу несколько армий.

Белостокско-Минский, Уманский, Киевский, Брянский и Вяземский «котлы» – это результат применения нового средства борьбы в виде немецких танковых групп. В результате оказывались отсечены и изолированы сотни тысяч человек, включая не только боевые подразделения, но и тыловиков, артиллеристов, связистов, военных строителей, просто не располагавших навыками для прорыва из «котлов». Военные строители были еще и не вооружены (именно они часто попадали в объективы камер рот пропаганды вермахта). Все это обусловило крайне тяжелые безвозвратные потери Красной армии именно в 1941-м – более 5,3 миллиона человек, по недавним подсчетам. Оставшиеся потери (свыше 8 миллионов) приходятся на 1942-1945 годы.

До появления в Красной армии средств, уравновесивших немецкие танковые соединения и объединения, подобные катастрофы были неизбежны. Заметим, что крупнейшие окружения приходятся на осень 1941 года, когда довоенные механизированные корпуса уже были уничтожены в летних боях, а сформировавшиеся танковые бригады не могли сравниться по мощи и эффективности с немецкими танковыми дивизиями (1,5 тысячи человек личного состава против 15 тысяч).

Такая ситуация с разницей в средствах борьбы позже уже не повторялась: стороны пришли к примерно одинаковым структурам подвижных соединений, использовавшихся для окружений и противодействия им.

Подведем итоги. Официальная цифра безвозвратных демографических потерь Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной, представленная коллективом Г. Ф. Кривошеева (8,6 миллиона человек), к сожалению, занижена. Более обоснованной выглядит величина в 10,9 миллиона человек, рассчитанная А. А. Шабаетым и С. Н. Михалевым.

Великая Отечественная война велась миллионными армиями, вооруженным народом, с использованием невиданных прежде в мировой истории средств борьбы – все это обусловило крайнее напряжение сил участников конфликта и большие потери, в том числе в крупных окружениях. При этом цена поражения действительно была бы непомерной.

(www.lenta.ru)